

АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

УДК 72.032 + 7.032.7

ПОЛЯКОВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ, канд. архит., доцент,
Polyakov.EN@yandex.ru
Томский государственный архитектурно-строительный университет,
Россия, 634003, Томск, Соляная площадь, 2

ГИПЕТРАЛЬНЫЕ ХРАМЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

В статье показаны основные этапы формирования композиции античного храма («жилища бога»). Рассмотрены конструктивные решения его стен, портиков и кровли, обеспечившие визуальную связь святилища (наоса) и священного двора (теменоса) с окружающим ландшафтом и небесным сводом.

Ключевые слова: периптер, диптер, перистиль, гипетр.

POLYAKOV, EUGENIY NIKOLAYEVICH, Cand. of arch. sc., assoc. prof.,
Polyakov.EN@yandex.ru
Tomsk State University of Architecture and Building,
2 Solyanaya sq., Tomsk, 634003, Russia

GIPETRAL TEMPLES OF THE HELLENISTIC PERIOD

The article considers the basic stages of formation of an antique temple («dwelling of god») composition. Constructive decisions of its walls, porticoes and the roofs which have provided visual connection of a sanctuary (naos) and a sacred court yard (temenos) with surrounding landscape and the heavenly arch are considered.

Keywords: peripter, dipter, peristyle, gipetr.

Поводом к написанию данной работы послужил очень красивый фрагмент из учебного пособия А.А. Мусатова «Архитектура античной Греции и античного Рима», посвященный одному из наиболее популярных типов древнегреческого храма. Речь идет о *периптере* – храме, святилище которого было «оперено» по периметру однорядной колоннадой. Фрагмент звучит следующим образом: «Открытый для всех, приглашающий портик, окружающий храм со всех сторон – вот необычный элемент для религий этого периода. Причины его появления следует искать в особенностях мироощущения древних греков.

Обожествление природы носило у эллинов личностный характер: нимфы и боги заселяли весь окружающий мир, сосуществовали с людьми, даже вступали с ними в браки. Человеческое, обыденное и сакральное смешивалось в представлениях греков, божественное начало пронизывало всю природу и жизнь людей, проникая повсеместно. С одной стороны, эти особенности религиозных представлений предопределили необыкновенно уважительное отношение к человеческой личности, что можно назвать одним из редких исключений в древней истории человечества. С другой стороны, эти же особенности мировоззрения определили трепетное отношение греков к природе и, в частности, породили удивительную «открытость» греческих сооружений в окружающий мир. Иногда эта открытость доходит до полного слияния сооружений с ландшафтом. Архитектура греческого периптера, сооружения, обращенного во все стороны легкой проницаемой колоннадой, стала наиболее зримым выражением гуманистического характера греческой культуры...» [1, с. 38].

Отличительной чертой древнегреческой религии является ее антропоморфизм. Древние греки интуитивно ощущали себя высшими творениями природы и поэтому находились с ней в самых дружелюбных отношениях: «Эллада – страна пантеизма. Все ее ландшафты оправлены... в рамки гармонии... всякая особность притязает на отдельного бога, всякая река требует своих нимф, всякая роща – своих дриад, и так вот образовалась религия эллинов...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. II. С. 55).

К концу гомеровского периода окончательно сложился олимпийский пантеон из двенадцати антропоморфных богов, которые олицетворяли те или иные силы природы, ту или иную сферу человеческих взаимоотношений. Эти божества считались родоначальниками царских и аристократических семей (культы вождей, героев). Согласно религиозным представлениям эллинов, их боги обитали не только в небесах, в море или подземелье, но и на особых «священных» участках (*теменосах*), которые, как правило, были отмечены магнитными аномалиями. Древнейшие алтари ставили на полянах, в гротах. Идолов прятали в дуплах деревьев или под сенью их ветвей. Позже статуи стали устанавливать под деревянными, каменными навесами – появлялись первые часовни. Аналогом древнейшего каменного «жилища бога» (храма), по всей видимости, стал микенский мегарон («большой зал»). В ранних храмах алтарь стоял внутри, перед статуей божества (древнейшая традиция домашнего культа). Позднее алтари стали ставить перед входом в храм. Теменос обносили оградой, вход с востока (со стороны восходящего солнца) выделяли воротами (*пропилеями*): «Для храмов и жертвенников, говорил Сократ, самое подходящее место то, которое видно отовсюду, но где мало ходят, потому что приятно, увидав храм, помолиться, приятно подойти к нему, находясь в чистоте...» (Ксенофонт. Воспоминания о Сократе, III, 8, 10).

Древнейшие храмы строились с сырцовыми стенами и деревянным каркасом на каменном фундаменте. Начиная с VIII в. до н. э. храмы стали возводить из камня. В мифах и эпической поэзии сложились представления о богах как о прекрасных мужчинах и женщинах огромного роста, который превышал рост обычного человека в «божественной» пропорции 1:1,618 («золотое сечение»). То есть рост античного бога колебался в пределах 2,5–2,8 м. Для этих

необычных существ возводились жилища большего размера и более долговечные, поскольку боги бессмертны. Поэтому при строительстве храмов старались использовать самые совершенные строительные конструкции и материалы – дорогие и долговечные породы дерева, природный камень, медь, бронзу. Строили храмы на возвышенных участках, чтобы защитить их от наводнений. Появление в гомеровскую эпоху храма-периптера визуально расширило размеры культовой постройки, сделало ее более величественной и монументальной.

Следует отметить, что основная функция традиционного периптера (визуальное слияние наружного портика с окружающей природой) отмечена в трудах многих отечественных и зарубежных специалистов. Такие храмы, как правило, имели глухую кровлю. Их композиционное ядро (наос) освещалось только через дверной проем, расположенный на восточном либо западном фасадах. Однако отдельные крупные периптеры имели «частично открытую» (по О. Шуази) кровлю с прямоугольным отверстием в центре, которое обеспечивало визуальную связь храма с небесным сводом, космосом. Подтвердим это положение примерами, упомянутыми в книге Огюста Шуази:

«У Юстина упоминается о боге, который проникает в свое святилище «через открытую вершину кровли»; это дает основание предполагать существование пролета в крыше, и система строительного перекрытия не является несовместимой с наличием отверстия...» [2, с. 339].

«Говоря о том, как бог проник в храм через отверстие в крыше, Юстин имел в виду Дельфийский храм, посвященный Фебу. Вполне естественна мысль открыть доступ в святилище, посвященное ему...» [Там же, с. 342].

Французский ученый перечислил древнегреческие храмы классического и эллинистического периодов, в потолках святилищ которых, согласно его версии, имелось световое (*гипетральное*) отверстие: «Следует отметить, что храмы, в отношении которых с наибольшей достоверностью установлено существование *гипетрального* отверстия, посвящены божествам, олицетворявшим свет: Зевсу (Олимпия, Селинунт), Аполлону (Фигалия, Милет)...» [Там же].

Подобный тип храма со световым отверстием в кровле Витрувий назвал «благообразным по установлению»: «Благообразие есть безупречный вид сооружения, построенного по испытанным и признанным образцам. Оно вырабатывается по установлению – по-гречески *θεμιτάκιον*, или по обычаю, или же по природе. По установлению – когда храмы Юпитеру Громовержцу, Небу, Солнцу и Луне воздвигают открытыми, или гипетральными, ибо и образы и проявления этих божеств обнаруживаются нам в открытом и сияющем небе...» (Кн. I, 2, 5) [3, с. 22, 23]. Ему вторят Варрон и Фест.

«Юпитер в древности назывался Диовис и Диеспитер, то есть отец день (Dies pater). Отсюда произошли слова: *dei* (боги), далее *dius* (божественный), *divum* (небо), затем *sub divo* (под открытым небом) и *Dius Fidius*. Вот почему крыша храма Юпитера имеет отверстие вверх, позволяющее видеть *divum*, то есть небо. Некоторые утверждают, что в закрытом помещении нельзя клаться его именем...» (Варрон. О латинском языке, V, 66) [4, с. 65].

«Там, где воздавали поклонение Термину¹, было вверху, в крыше, сделано отверстие, потому что считали неподобающим находиться Термину под крышей...» (Фест. О значении слов) [Там же].

Наиболее достоверной из списка Шуази представляется реконструкция **храма Зевса в Олимпии** (арх. Либон, 468–460 гг. до н. э.): «На рисунке изображен Олимпийский храм. Возможно, что в его крыше имелось такое отверстие. По словам Павсания, Зевс выразил свое удовлетворение статуей, творением Фидия, ударив молнией в пол святилища. Вероятно, это выражение одобрения не сопровождалось частичным разрушением храма, почему и легенда Павсания косвенным образом указывает, что в крыше имелось отверстие...» [2, с. 340] (рис. 1–2).

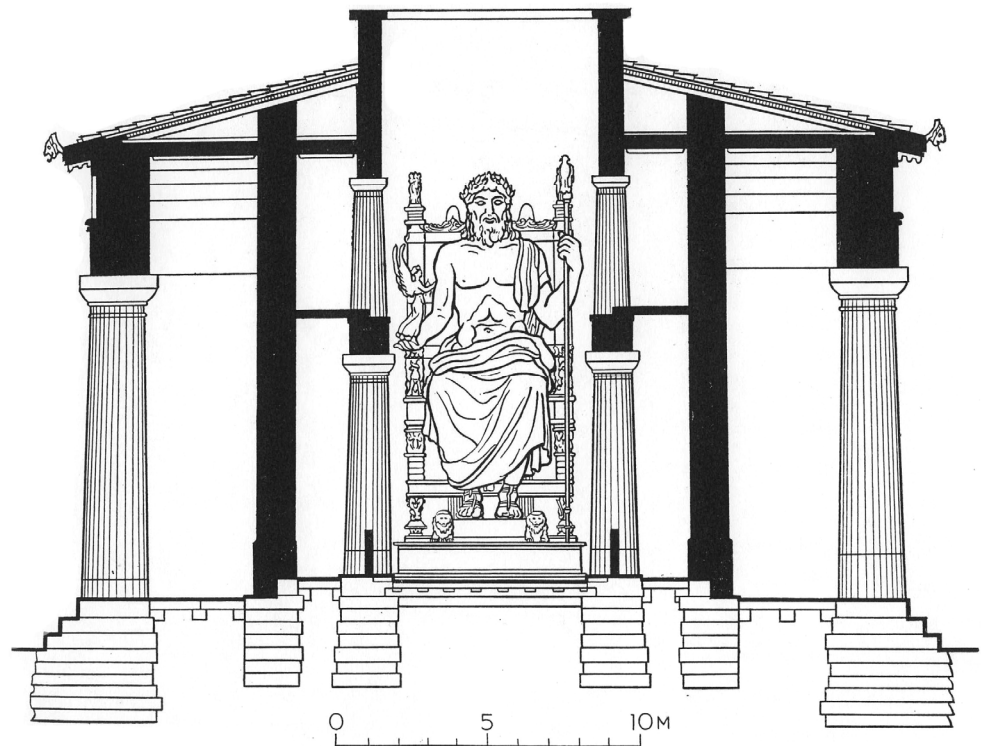


Рис. 1. Храм Зевса в Олимпии. Поперечный разрез (реконструкция)

Этот храм Огюст Шуази относит к разряду культовых построек с «частично открытой» кровлей. Выбор именно этого варианта кровли он объясняет особенностями освещения интерьера святилища: «Мы невольно переносим под прекрасное небо Греции требования, созданные нашим мрачным, тусклым климатом. Мы считаем необходимым открывать доступ свету, между тем как в Греции следовало бы, быть может, скорее умерять его излишнюю яркость.

¹ Под этим именем подразумевается Юпитер Термин («Хранитель границ») – одна из многочисленных функций верховного бога древних римлян.

Некоторые храмы были украшены скульптурой из золота и слоновой кости, которую нельзя выставлять в ярко освещенное помещение: при ярком солнечном свете золото дает блеск, нарушающий эффект рельефов; формы его выступают надлежащим образом только в полумраке, когда оно принимает теплые оттенки. Мы допускаем существование гипетрального отверстия, потому что, благодаря своей глубине, оно преломляет прямые лучи, пропуская в целлу только отраженный и рассеянный свет. Ничто не может сравниться с этим светом.... Это прозрачная, красочная, вибрирующая ясность, тот самый свет, который так хорошо передается красноватыми рефlekсами и моделировками без теней на помпейской росписи...» [Там же].

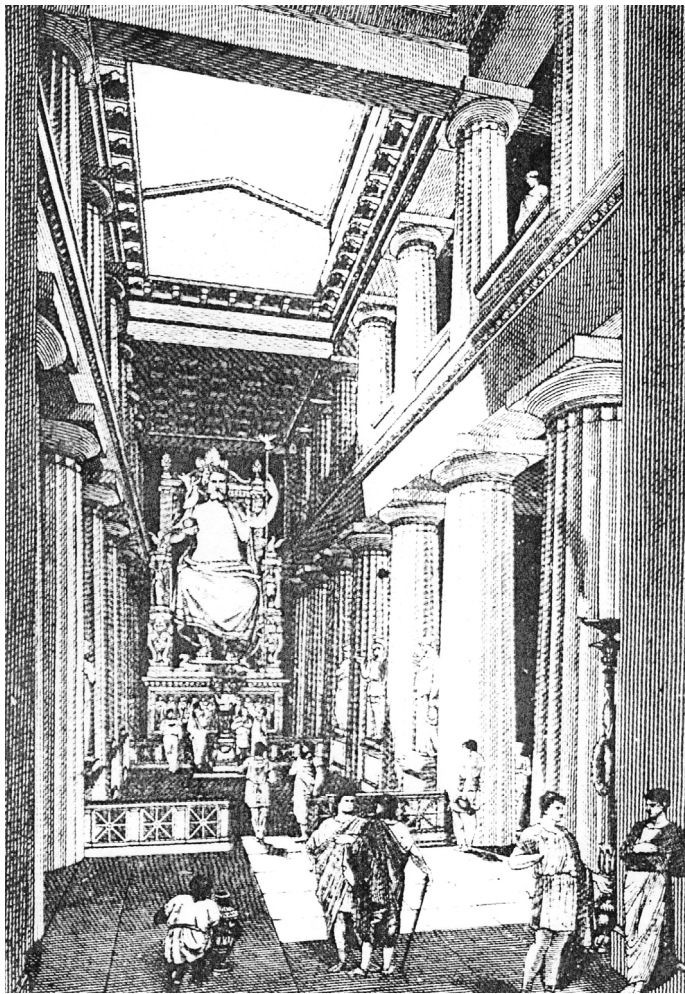


Рис. 2. Гипетральное отверстие в святилище храма Зевса в Олимпии (реконструкция)

Дальнейшее развитие композиции античного храма пошло в сторону увеличения площади его внутреннего пространства и, соответственно, размеров светового отверстия в потолке, кровле. Произошло это в эпоху эллинизма,

когда греки познакомились с дворцовой и культовой архитектурой восточных государств (Древнего Египта, Ассирии, Нового Вавилона) и греческих колоний Малой Азии. Внимание древнегреческих зодчих привлекли громадные дворцовые и культовые комплексы, огромные площади и храмовые дворы, окруженные колоннадами – *перистили*. Они могли вмещать большие массы народа (данников, иностранных послов, участников праздничных процессий и церемоний, паломников и пр.).

Культовое строительство в эллинистическом мире осуществлялось в огромных масштабах, особенно в резиденциях монархических государств. Однако по своему идейному и художественному содержанию оно уже не занимает того ведущего положения, которое в греческом полисе классического периода ему было обеспечено теснейшей связью между религией и городской общиной. Идея всеобщности *ойкумены* (обитаемого пространства, населенного людьми), составляющая ядро мировоззрения эллинистической эпохи, находит свое яркое выражение в религии, сочетавшей философские и мистические позиции. Религиозный синкретизм выражался в слиянии одних богов с другими, «отечественных» с «иноземными», в появлении универсальных отвлеченных божеств Чистоты, Справедливости, Судьбы, Рока и т. п. Царской власти приписывалось божественное происхождение. Популярными стали мистерии Деметры, орфические и вакхические праздники Орфея и Диониса, тантрические культы Кибелы (Великой матери) и Сераписа (верховного бога Египта эпохи Птолемеев).

Под влиянием новых культов, с одной стороны, и новых градостроительных принципов – с другой, появляется множество новых композиционных вариантов храма, и существенно изменяется его архитектурный облик: «Архитектура эпохи Александра известна пока очень мало. Любопытна группа огромных храмов в восточных городах, которые были построены в очень больших размерах уже раньше, но во второй половине IV в. были перестроены заново...» [5, с. 152].

Благодатную почву для осуществления своего стремления к огромным масштабам, пышному великолепию и блеску архитектурных форм эллинистические зодчие находят в обновлении и перестройке колоссальных ионических храмов: в Эфесе – Артемисиона, восстановленного зодчим Дейнокротом, и в Дидимах под Милетом – святилища Аполлона (Дидимейона).

Вновь обратимся к А.А. Мусатову: «В эпоху эллинизма представления о прекрасном подверглись пересмотру, что соответствовало переходу стиля из тектонического в декоративную фазу... Эти изменения нашли свое наиболее яркое выражение в так называемом «количественном стиле». Суть его заключается в совершенно ином понимании принципов художественного воздействия на зрителя... В эпоху эллинизма главным средством выразительности стали громадные по количеству колонн ордерные композиции, а затем и просто огромные по размерам сооружения. Одним из первых шагов в данном направлении стало появление еще одного типа греческих храмов – *диптера*.

Диптер отличался от периптера, в первую очередь, двойной колоннадой по всему периметру храма, а также сравнительно большими размерами... По пропорциям храмы этого типа были более грузными, приземистыми, их тор-

цевые фасады как бы более распластаны. Двойная колоннада диптера смотрелась с близкого расстояния и из-под портика, как лес колонн. Это наводит на мысль о заимствовании этих идей, например, из наследия архитектуры Древнего Египта, что вполне возможно, учитывая необыкновенно расширившиеся культурные контакты в эпоху эллинизма. Диптер как таковой встречается не очень часто. Можно сказать что идея «леса колонн» в целом была чужда греческой архитектуре...» [1, с. 39, 40].

Наиболее ярким образцом диптера Витрувий считал второй вариант храма Артемиды в Эфесе (рис. 3).

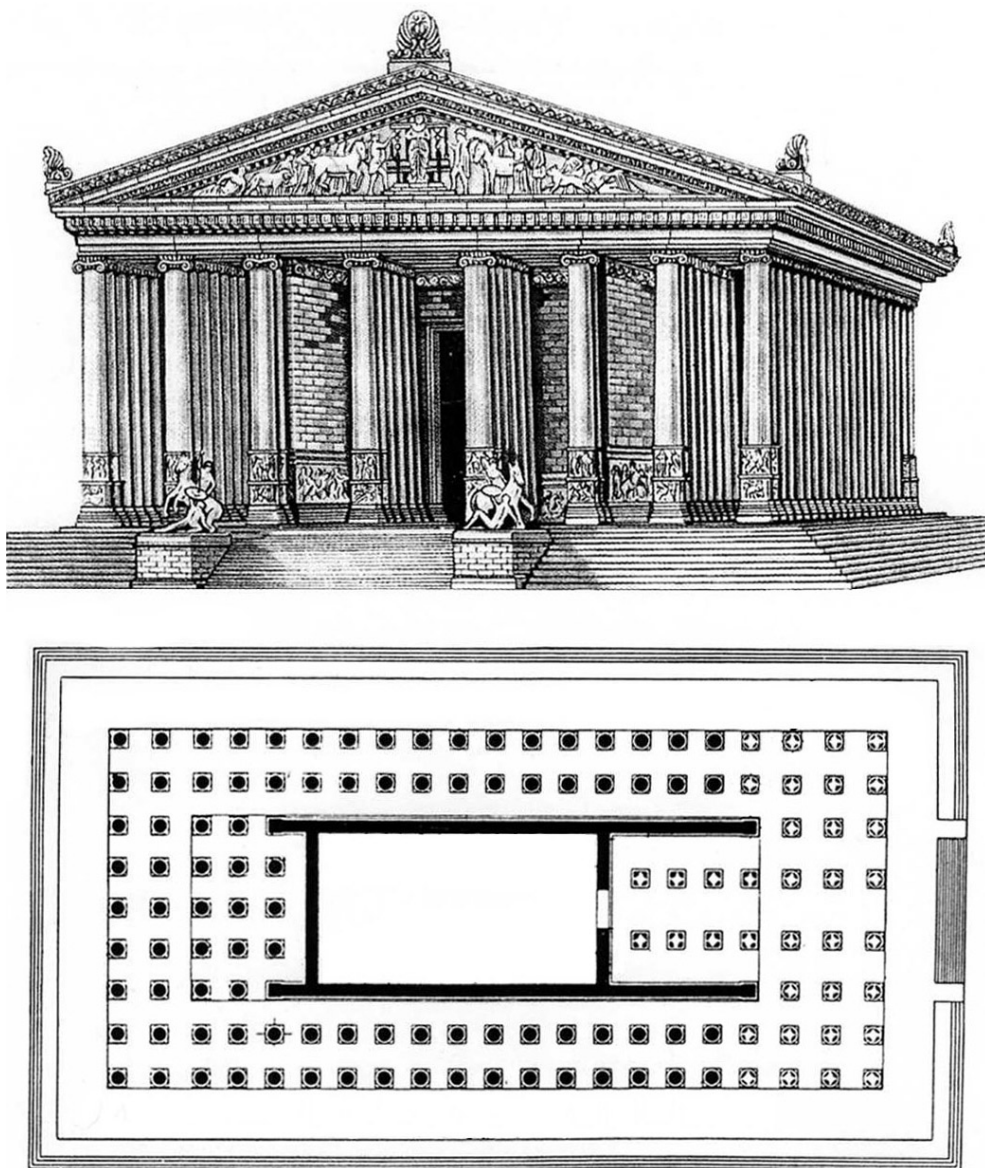


Рис. 3. Храм Артемиды в Эфесе. Общий вид, план (реконструкция)

«После 356 г., когда сгорел старый храм Артемиды в Эфесе, началось сооружение нового. Этот храм... представлял собой грандиозный диптер, имевший по восьми колонн с фасадных и по двадцати с длинных сторон... Расположенные по фасадным сторонам тридцать шесть колонн имели базы, украшенные рельефной скульптурой; при этом по восьми колонн первого ряда, стоявшие на несколько ступеней ниже, чем остальные, имели под базами большие квадратные постаменты (своего рода выносные плиты), в свою очередь обильно украшенные рельефами...» [2, с. 410, 411].

Пространственность Артемисиона подчеркивается еще и тем, что между первым и вторым рядами колонн помещены на узких сторонах ступени лестницы, втягивающие зрителя внутрь. Размеры храма значительно превышают нормальные размеры греческого периптера. Высота его колонн достигает 19,40 м, в чем проявляется воздействие восточного количественного стиля. Это характерно для архитектуры восточных греческих областей в IV в. до н. э. Сверхтяжелый, подобный скале, и одновременно с этим сравнительно легкий фундамент (стилобат) мог эффективнее сопротивляться колебаниям почвы. При этом храм визуально как бы возносился над окружающими постройками, облепившими его за минувшее столетие. То есть ионический диптер, поставленный на более высокую двойную платформу, стал более величественным, монументальным: «Благодаря пышности и обилию декора, масштаб колоннад Артемисий был ближе к грандиозным египетским храмам и ападам Персии, нежели к греческим храмам – доступным, жизнерадостным, соразмерным своим создателям и посетителям. Строгость сменилась здесь пышностью и даже некоторой перегрузкой форм, и Артемисий стал блестящим памятником нового эллинистического искусства...» [6, с. 36, 37].

Для храмов эллинистического времени характерны новые черты, во многом продиктованные их ролью в городском ансамбле.

Нередко храм размещается в глубине прямоугольного участка, причем его задний торцевой фасад примыкает к стене, огораживающей участок. Храм обычно стоит на высоком подножии (подии). Он имеет глубокий пронаос (вестибюль), отделенный от святилища высоким порталом. В эллинистическую эпоху площади, на которых стояли наиболее крупные храмы, стали окружать портиками. Культовые ансамбли нередко напоминают богатые частные дома. В них главный акцент перенесен с собственно храма на пространство окружающего его двора. Колонны храма стали гораздо тоньше, стройнее (вытеснение дорического ордера ионическим и коринфским). Колонны окружающих храм портиков и дворов аналогичны колоннам самого храма. Это окончательно отодвигает здание храма на задний план и заставляет его как бы раствориться в пространстве двора: «Для более полного преобладания пространства над массами необходимым условием было, чтобы портики перистиля, окружающего периптер, были выше, чем ордер периптера, или, во всяком случае, чтобы они господствовали над периптером. Для этого нужно было по возможности поднять колоннады перистиля, что достигалось при помощи двухъярусных перистилей... Верхние колоннады всегда были меньше нижних. Особенно интересны комплексы, в которых храм стоит на холме, а двухъярусный перистиль окружает его с двух сторон, связывая таким обра-

зом пространство окружающего храм двора с бесконечным пространством природы...» [5, с. 180] (рис. 4).

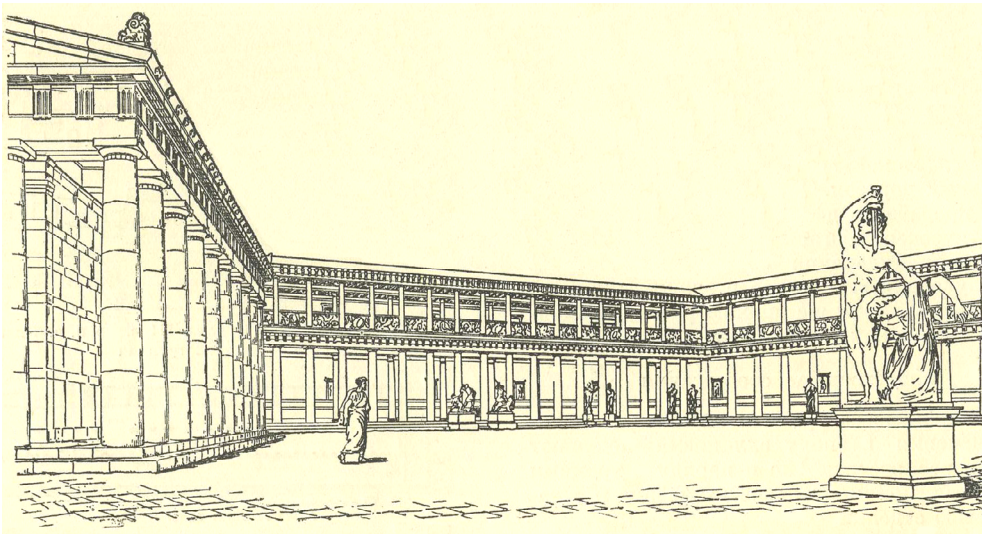


Рис. 4. Пергам. Святилище Афины (ок. 290 г. до н. э.). Перистиль

Наконец, некоторые храмы эпохи эллинизма из-за чрезмерной ширины своего святилища стали *гипетральными*.

Витрувий отметил принципиальные различия между диптером и гипетром: «У *диптера* – по восьми колонн и с передней и с задней стороны храма, но он опоясан двойными рядами колонн; таков дорийский храм Квирнна и ионийский Дианы в Эфесе, воздвигнутый Херсифроном. У *гипетра* же по десяти колонн и с передней и с задней стороны храма. Все остальное у него то же самое, как и у диптера, но во внутренней его части находятся два яруса колонн, отделенные круговым проходом от стен, как портики перистилей. Средина у гипетра – под открытым небом, без крыши. Вход в него – через двери с обеих сторон, и в предхрамий и с задней стороны храма...» (Кн. III, 2, 7, 8) [3, с. 64].

К числу гипетральных храмов, конечно же, следует отнести **храм Аполлона Филесия в Дидимах (Дидимейон)**.

Его строительство было начато около 313 г. до н. э. зодчими Пеонием из Эфеса и Дафнисом из Милета и завершено при императоре Адриане (сер. II в.): «В четырех местах сооружены храмы, отделанные мрамором, из-за чего эти храмы и пользуются величайшей славою; совершенство же их и глубокая мудрость их устройства заставляют взирать на них с благоговением. Прежде всего – это храм Дианы в Эфесе, начатый в ионическом ордере Херсифроном Кносским и сыном его Метагеном, оконченный впоследствии [около 450 г. до н. э.], как говорят, рабом Дианы Деметрием и Пеонием Эфесским. В Милете храм Аполлона, также ионический по своей соразмерности, начали тот же Пеоний и Дафнид Милетский...» (Витрувий, VII, вступление, 16).

К этому культовому ансамблю вела дорога для священных процессий, украшенная статуями. Дидимейон имел грандиозные размеры – 109 м в длину и 51 м в ширину. Высота колонн достигала 20 м. Храмовый комплекс стоял на постаменте в виде большой семиступенной лестницы. Внешне храм напоминал приземистый ионический диптер, на торцевых сторонах которого было по десяти, а на боковых – по двадцати одной колонне.

Святилище его имело глухую стену с задней стороны. В передней части его за колоннадой находился обрамленный антами глубокий пронаос, потолок которого поддерживали двенадцать расположенных в три ряда колонн (рис. 5).

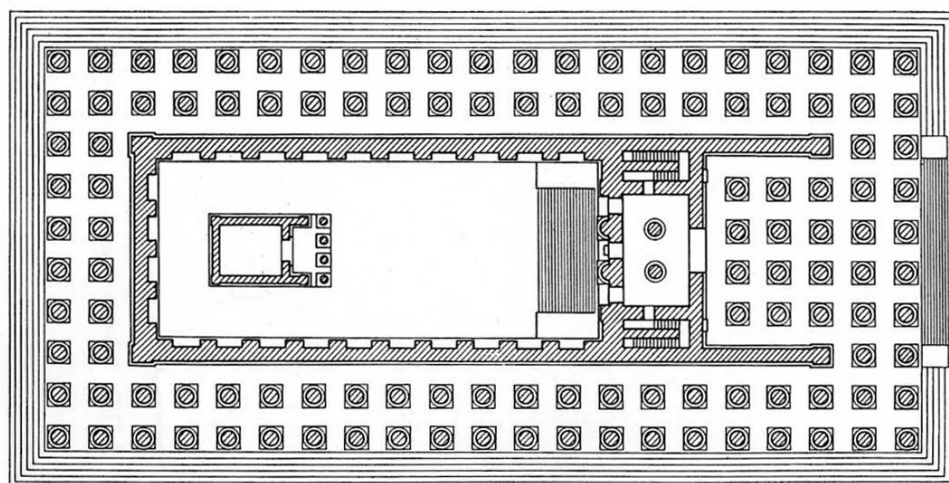
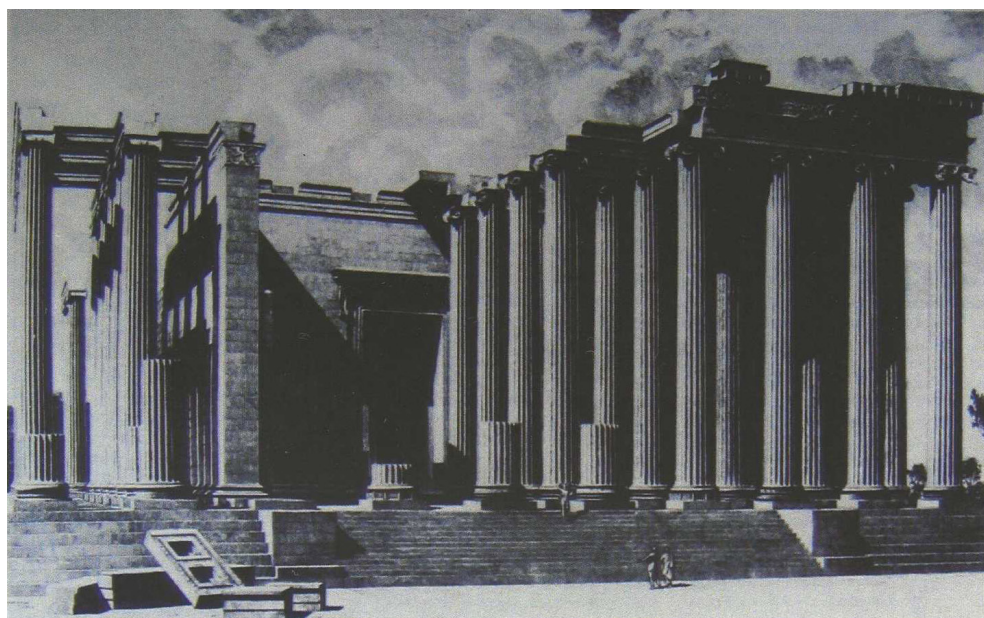


Рис. 5. Храм Аполлона Филесия в Дидимах. План, реконструкция колоннады

Страбон отметил, что это здание осталось без крыши вследствие чрезмерной ширины святилища: «Непосредственно за Посейдием, мысом милетян, в Бранхидах находится оракул Дидимского Аполлона... Этот оракул был сожжен Ксерксом... Впоследствии милетцы воздвигли... самый большой из всех храмов, который остался без крыши из-за своей величины; действительно, окружность священной ограды вмещает пространство целого поселка; внутри и вне священной ограды – великолепный парк...» (Страбон, XIV, 1, 5, с. 634) [7, с. 584].

За пронаосом размещался небольшой аванзал с двумя колоннами, по обеим сторонам которого находились ведущие вверх лестницы. Пол аванзала был на 1,5 м выше пола пронаоса: «Три двери из аванзала вели в гипефральную целлу, 58 м длиной, куда можно было спуститься по большой лестнице, так как пол ее был ниже на 4,5 м. Станы целлы с задней и боковых сторон были расчленены столбами. Целла не имела крыши, в ней находились священный лавр и источник...» [2, с. 417, 418] (рис. 6, 7).

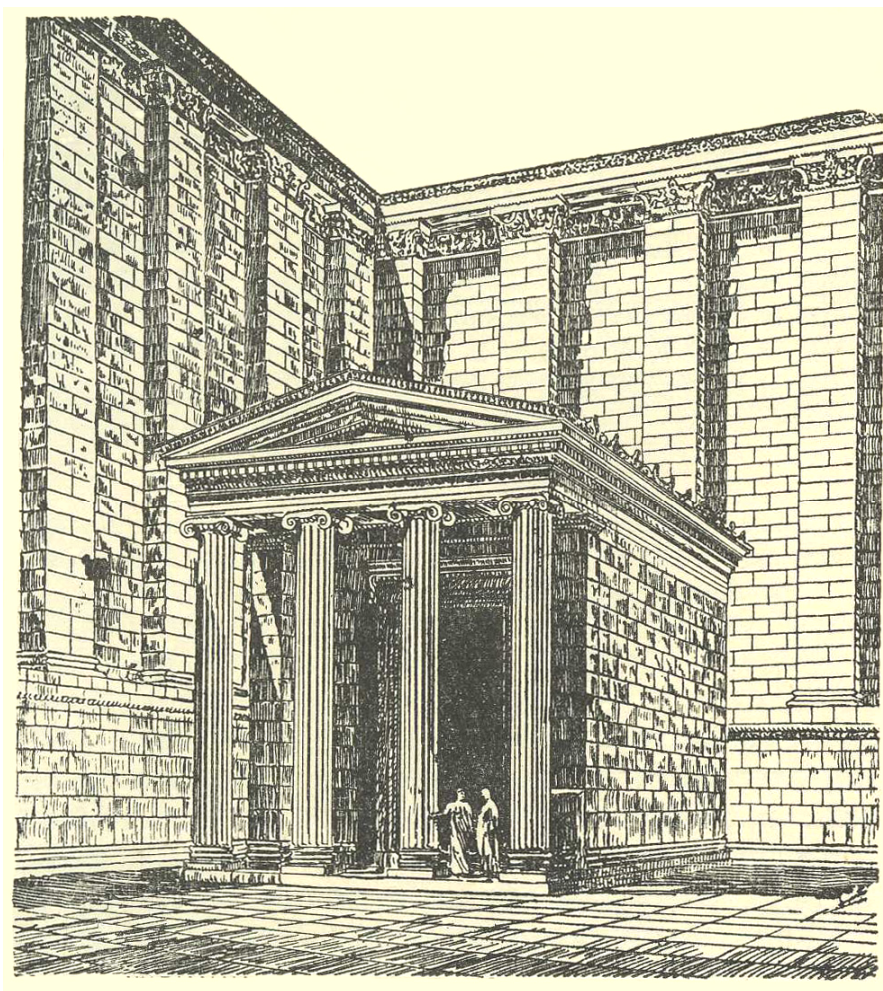


Рис. 6. Храм Аполлона Филесия в Дидимах. Фрагмент двора

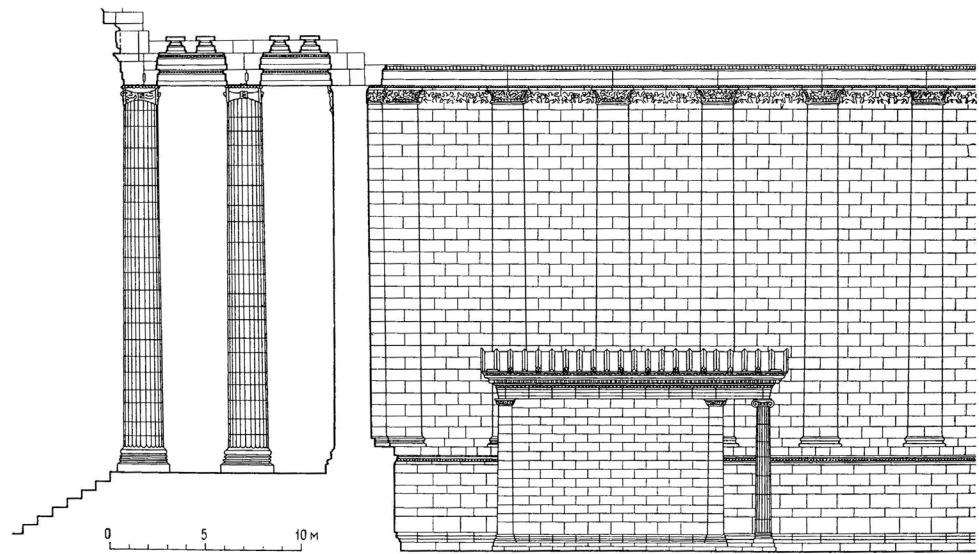


Рис. 7. Храм Аполлона в Дидимах (Малая Азия, IV–III вв. до н. э.). Разрез

Павсаний считает Дидимейон незавершенным. Но, вероятнее всего, этот храм имел большое прямоугольное отверстие в потолке и кровле над серединой целлы, так что священный источник и дерево внутри святилища (наоса, целлы) находились под открытым небом: «Здесь можно различить эдикулу, защищавшую скульптуру за отсутствием крыши... Пролет (целлы) составлял около 25 м. Если вспомнить, какие колоссальные балки потребовались для покрытия пролета в 7 м в Пирейском арсенале, то видно, что перекрыть данную целлу было абсолютно невозможно, и гипефральные целлы вызывают в нас меньше удивления...» [2, с. 342].

Как мы уже отмечали выше, перистильный двор в культовых ансамблях эпохи эллинизма имеет несомненное сходство с аналогичными дворами в усадьбах богатых горожан. Эллинистический дом был изолирован от улицы глухими стенами и представлял замкнутый в себе мирок, группирующийся вокруг перистилия. Дом не имел окон, и его комнаты получали свет из перистилия через открытые двери. Наружные стены, выходящие на улицу, оставлены почти без обработки. Это был типичный южный дом, комнаты которого тесно связаны с двором, открытым сверху. Небо в перистиле как бы обрамлено прямоугольной рамой антаблемента (рис. 8).

«Вместо круглой сферы перистиль дает только фрагмент неба, вместо всей природы, окружающей периптер, только фрагмент ее в виде садика между колоннадами. Эти фрагменты вызывают у зрителя образ настоящей природы за городом, неограниченной и неоформленной, которая от этого получает для человека особую привлекательность... В этом смысле можно связать перистиль с идиллической тягой к природе, так характерной для эллинистической эпохи...» [5, с. 164].

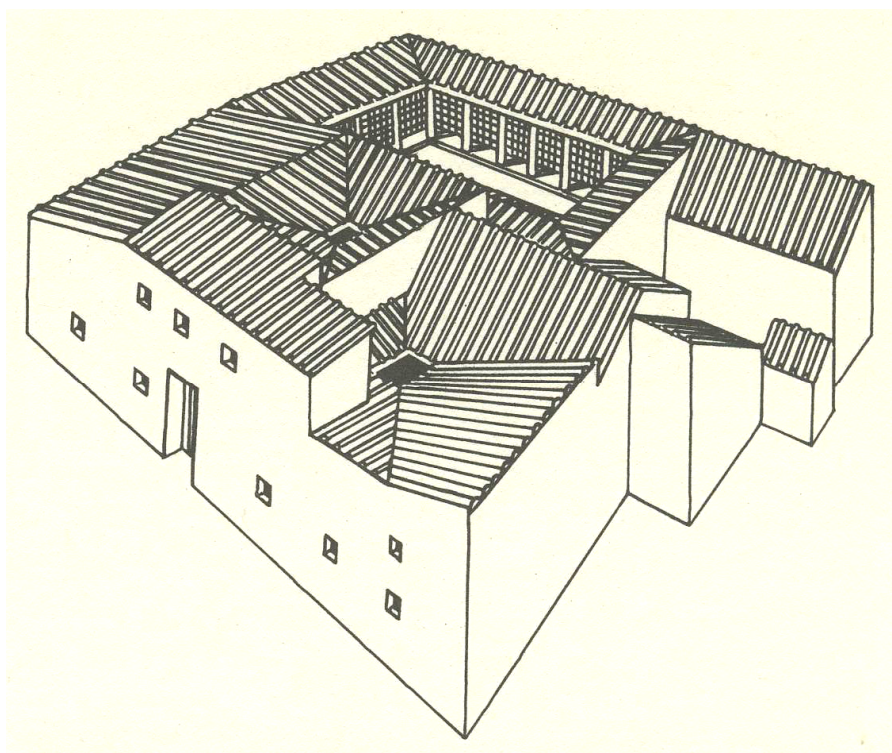


Рис. 8. Дом Веттиев в Помпеях. Перистильный двор в структуре античной виллы (реконструкция)

Благодаря этому также достигался эффект постепенного «сгущения» растительной массы от центра двора к его периметру (традиция Древнего Китая). Терялась условная граница между естественным лесным массивом и садом, колоннадой перистиля и фрагментами природного ландшафта, видимого над рамой антаблемента. Взор человека, находящегося внутри перистиля, как бы устремляется вверх – к лесу, горным вершинам, усеянному звездами небосводу (рис. 9).

«Колонны эллинистического перистиля очень тонки и, что особенно важно, очень широко отставлены друг от друга, что стало возможным благодаря деревянным антаблементам. Совершенно отпал фронто́н, что ослабило телесность верха... Упростился и сузился антаблемент... Эллинистические перистили отличаются очень небольшими размерами, что естественно для жилого дома. Их колонны имеют высоту в 3–4 метра; обход за колоннами, комнаты и их двери – совсем маленькие...» [5, с. 165].

Жилая усадьба как бы обращена внутрь себя и развивает все свои помещения из перистиля. Неоформленное бесконечное пространство неба сгущается, охваченное колоннадой, в пространство двора и дальше в еще более ограниченный и темный внутренний обход. Наконец, через него оно переходит в пространство комнат, которые обращены только на центральный перистиль и зависят от него. Эффект полного слияния здания с природой достигается

ется и с помощью живописи, покрывающей плоскости стен: «Иллюзорное пространство, внесенное фресковой росписью стен, продолжает реальное архитектурное пространство, овладевая вниманием находящихся в комнате при помощи большого количества картинок и перспектив, занимательных то разнообразием нарисованных видов и архитектурных форм, то увлекательностью сюжетов, обычно взятых из мифологии. Эллинистический перистильный дом – замкнутый мирок разбогатевшего рабовладельца, который мало интересуется общественными и государственными делами... Граждане эллинистического города замкнулись в своем домашнем быту, в семейном кругу; отсюда появилась и все росла тенденция устроить свой дом внутри возможно богаче и роскошнее. Место классического идеала... человека-героя занял обыватель с его повседневными потребностями и нуждами, стремящийся устроиться поудобнее и пороскошнее и в своем эгоизме в первую очередь думающий о себе самом...» [5, с. 167].



Рис. 9. Атриумно-перистильный дом Помпей

В этом плане очень характерен следующий фрагмент: «Равным образом, говоря, что одни и те же дома и прекрасны и целесообразны, Сократ учил, как мне казалось, строить их такими, какими им должно быть. Ход его рассуждений был следующий. Кто хочет иметь дом такой, каким ему следует быть, не должен ли употреблять все средства к тому, чтобы он был как можно более приятен для жилья и целесообразен? Когда собеседник соглашался с этим, Сократ спрашивал: «Не правда ли, приятно иметь дом летом прохладный, а зимой теплый?» Когда и с этим собеседник соглашался, Сократ говорил: «Не правда ли, в домах, обращенных на юг, зимой солнце светит в галереи, а летом оно ходит над ними самими и над крышами и дает тень. Значит, если такое положение прекрасно, то необходимо строить выше южную сторону, чтобы не преграждать зимнему солнцу доступа, а ниже – северную сторону, чтобы холодные ветры не попадали в дом...» (Ксенофонт. Воспоминания о Сократе, III, 8, 8–9).

Таким образом, тесно связанное с природой внутреннее пространство перистилия является основным ядром, охваченным тонкой скорлупой стен и колонн, целиком ориентированных на него. В этом состоит принципиальное отличие эллинистического дома от дворца ренессанса, который лег в основу европейского дома XIX–XX веков: «Эллинистический дом не имеет еще наружного монументального оформления и не отделяет внутреннего пространства от пространства природы, а весь развивается из двора. В нем нет еще фасада и окон, выработанных только в архитектуре ренессанса, после чего они легли в основу всего дальнейшего развития европейской архитектуры...» [5, с. 166].

Именно эта идея об органичном единстве человеческого сообщества с окружающим миром, космосом вызвала в те времена бурное развитие астрономии, картографии, других естественных наук. В качестве примера приведем небольшой фрагмент девятой книги из трактата Витрувия, считавшего, что с помощью астрономии зодчие «приобретают знание о небе, равноденствии, солнцестоянии и движении звезд»:

«Мир есть высшая совокупность всей природы вещей и небо, образуемое созвездиями и звездными путями. Оно неизменно вращается вокруг земли и моря на конечных шипах его оси... Один – на необъятном пространстве от земли, в самом верху мира... другой – прямо напротив него, под землею, в полуденных областях. И там вокруг этих шипов, как вокруг средоточий, она создала кружочки, как в токарном станке, называемые по-гречески *πολοί*, в которых вечно совершается круговой полет неба. Таким образом, середина земли вместе с морем естественно помещаются в центре мира. При таком, созданном природою, расположении получается, что в северной части средоточие неба находится сверху, высоко над землею, а в южной части – расположено в нижних областях и поэтому закрывается землею; затем, поперек середины неба и наклонно к югу находится широкий пояс, образуемый двенадцатью знаками. Вид их, при расположении звезд по двенадцати равным частям, представляет собою изображение, начертанное природою. Итак, светила вместе с миром и со всеми украшающими его созвездиями, облетая вокруг земли и моря, совершают свой путь в соответствии с округлостью неба. Все они, будь они видимы или невидимы, следуют непреложному течению времени.

Когда шесть из упомянутых знаков странствуют по небу над землею, остальные, заходя под землю, закрываются ее тенью. Шесть же из них всегда держатся над землею. Ибо какая часть последнего знака, подчиняясь вращению, должна бывает скрыться под землей, такая же часть противоположного знака, в неизбежном обращении опустившаяся, гонимая круговоротом по свободному пространству, выходит из тьмы на свет. Ибо одна и та же сила и необходимость производит с обеих сторон вместе и восход и заход. И в то время как эти знаки, числом двенадцать, занимают каждый в отдельности двенадцатую часть мира и вращаются непрерывно с востока на запад в противном направлении, – Луна, планета Меркурий, Венера, само Солнце и также Марс, Юпитер и Сатурн, отличаясь друг от друга величиною своих орбит и пробегая по ним как бы по ступеням кругового подъема, странствуют по этим знакам... с запада на восток...» (Кн. IX, 1, 2–5) [3, с. 170–172].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мусатов, А.А. Архитектура античной Греции и античного Рима / А.А. Мусатов. – М. : Архитектура-С, 2006 – 144 с.
2. Шуази, О. История архитектуры: в 2 т. Т. 1 : [пер. с франц.] / О. Шуази. – М. : Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1935 – 631 с.
3. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Витрувий. – М. : Архитектура-С, 2006. – 328 с.
4. Зубов, В.П. Архитектура античного мира. Материалы и документы по истории архитектуры / В.П. Зубов, Ф.А. Петровский. – М. : Изд-во Академии архитектуры СССР, 1940. – 519 с.
5. Брунов, Н.И. Очерки по истории архитектуры: в 3 т. Т. 2. Греция – Рим – Византия / Н.И. Брунов. – М. ; Л. : ACADEMIA, 1935. – 621 с.
6. Козина, Т.Н. Некоторые вопросы градостроительства эллинизма / Т.Н. Козина // Вопросы всеобщей истории архитектуры: сб. 1 / под ред. Н.П. Былинкина. – М. : Госиздат по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1961. – С. 5–74.
7. Страбон. География в 17 книгах / Страбон ; пер. Г.А. Стратановского. – М. : Наука, 1964. – 941 с.